

ТАЙНА
ЭЛИЗАБЕТ
КОРОЛЕВСТВО
СНОВИДЦЕВ

М и х а и л Р а д у г а

ВЕСЬ

Михаил Радуга

Тайна Элизабет.

Королевство сновидцев

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41654007

Тайна Элизабет. Королевство сновидцев. / Радуга М.: Весь; Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-9573-3399-9

Аннотация

Перед вами первая художественная книга знаменитого практика и популяризатора осознанных сновидений Михаила Радуги! Как известно, весь спектр внетелесных ощущений и переживаний автор объединяет термином «фаза». А что, если бы вы оказались в мире, где «фазоведение» изучают в школе? В городе, где каждый житель способен использовать осознанные сновидения для внетелесных путешествий, влиять с их помощью на свой внешний облик, менять рост или даже возраст? Вместе с главным героем – Томасом – вы научитесь «фазить», узнаете, какие это дает преимущества в войне с мутантами, и переживете захватывающие приключения! А также узнаете, кто такая Элизабет и какую тайну она хранит!

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Михаил Радуга
Тайна Элизабет.
Королевство сновидцев

Дорогой Читатель!
Искренне признателен, что Вы взяли в руки книгу нашего

издательства.

Наш замечательный коллектив с большим вниманием выбирает и готовит рукописи. Они вдохновляют человека на заботливое отношение к своей жизни, жизни близких и нашей любимой Родины. Наша духовная культура берёт начало в глубине тысячелетий. Её основа – свобода, любовь и сострадание. Суровые климатические условия и большие пространства России рождают смелых людей с чуткой душой – это идеал русского человека. Будем рады, если наши книги помогут Вам стать таким человеком и укрепят Ваши добродетели.

Мы верим, что духовное стремление является прочным основанием для полноценной жизни и способно проявиться в любой области человеческой деятельности. Это может быть семья и воспитание детей, наука и культура, искусство и религиозная деятельность, предпринимательство и государственное управление. Возрождайте свет души в себе, поддерживайте его в других. Именно это усилие создаёт новые возможности, вдохновляет нас на заботу о ближних, способствуют росту как личного, так и общественного благополучия.

Приглашаю Вас принять участие в деятельности Центра сознательного развития «Автор Жизни»: www.av-z.ru

Искренне Ваш,

Владелец Издательской группы «Весь»

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of a large, flowing initial letter followed by several smaller, connected strokes.

Пётр Лисовский

СЕЛЕЦИЯ

Ароздор

Город заката

Башня признания

Башня причастности

Башня потребности

Башня совершенства

Салеп

Башня самовыражения

Звездный

Парфазон

Новый Альберт

Ярма

100 миль

Глава 1

Трагедия под Салепом

Сизый голубь приземлился на плетеную изгородь у небольшого деревянного домика с соломенной крышей и деловито приступил к чистке перышек. Посреди ухоженного двора жевала сено гнедая лошадь, запряженная в телегу. Возле нее носились двое босоногих ребятишек в мешковатых туниках и суетился невысокий мужчина в потертой кожаной куртке. Всю ночь накрапывал дождь, и теперь, лишь только взошло теплое весеннее солнце, все приступило к своим насущным делам. Однако утренний моцион голубя был внезапно прерван стрелой, пролетевшей буквально в дюйме от его взъерошенной головы, отчего птица стремительно взметнулась к небу.

– Мазила, мазила! – завизжала круглолицая девочка, пытаясь догнать голубя под задорный лай черного щенка.

– Больше практики, Томас, – похлопал мальчугана по плечу мужчина с простоватым округлым лицом. – Тогда будет получаться гораздо лучше.

– Погоди...

Отважный юный охотник снова изо всех сил натянул льняную тетиву лука, смастеренного из ясеневго прута, но так же безуспешно выпустил и вторую стрелу. Томас был на два года старше своей трехлетней сестренки Ирэн, которая как две капли воды была похожа на него. Их отличала только разница в возрасте. А так у обоих детей были длинные каштановые волосы и зеленовато-карие глаза. Но если

мальчик по натуре своей был спокойным и сдержанным, что сразу угадывалось по кроткому взору и слегка вздернутой верхней губе, то веселая девочка никогда не сидела на месте, так и норовя сотворить что-нибудь эдакое. Ее живые глазенки умудрялись без устали находить приключения и новых жертв для своих коварных проказ. Чаще всего это заканчивалось неприятностями, так и сыпавшимися на голову старшего брата, отчего задорно шевелился девочкин носик с едва заметной горбинкой.

Их занятый хлопотами отец, опытный охотник и рыбак, аккуратно складывал в промокшую телегу свою добычу: внушительную связку сушеной рыбы, две связки лисьих и одну связку заячьих шкур, а также тушу молодого оленя. Он готовился к еженедельной поездке в Салеп, где намеревался выручить за свой товар не менее пятнадцати серебряных монет или удачно обменять его. При этом четверть добычи следовало отдать в виде дани на нужды Парфагона. Не считая холодного вулкана, королевство занимало всю южную часть прекрасной Селеции – одинокой земли, простиравшейся среди бескрайнего, всегда бушующего моря.

– Мама ушла стирать и вернется к обеду, – усаживаясь в телеге, напомнил охотник. – Томас!

– Да, пап?

– Остаешься за главного.

– Папулечка, обещаю: не буду обижать блафика! – опередила наставления хитрая Ирэн, осторожно держа в пухлень-

ких ручках ласкового щенка, который, виляя хвостиком, вылизывал ее довольное личико.

– Ну конечно! Я за себя не отвечаю на этот раз!

– Она же совсем еще маленькая. – Охотник добродушно взглянул на сына и, потрепав его по лохматой голове, добавил: – Я на тебя надеюсь.

– Хорошо, пап, – смущенно улыбаясь, смиренно ответил Томас. Его непоседливая сестренка тем временем оставила в покое собачку и теперь нагло пыталась отобрать его любимый лук, вцепившись при этом острыми зубками брату в плечо и громко рыча.

Раздался легкий щелчок кнута, и скрипучая телега тронулась с места. Дети охотника, спотыкаясь и дурачась, радостными воплями проводили отца через все их небольшое селение. Целых полдня они были предоставлены самим себе – большего счастья юным сорванцам и не представить! Особенно это приводило в безудержный восторг Ирэн: теперь ее никто не остановит бесконечно докучать старшему брату. По своей доброте тот никогда не ставил сестренку на место.

Когда дети бежали обратно к дому, то и дело останавливаясь, чтобы откопать что-нибудь в дорожной грязи или напакостить у чужих изгородей, на центральном перекрестке они встретили соседку. Ткачиха, одетая в бежевое платье с красным подолом, казалась чем-то расстроенной, она то и дело вытирала покрасневшие глаза и поправляла цветастый платок на голове.

– Тетушка, почему вы плачете? – взволнованно окликнула ее Ирэн. – Что случилось?

– Вас кто-то обидел? – нахмурился Томас.

Однако растроганная женщина громко рассмеялась, а затем принялась назойливо обнимать и целовать отпрысков охотника:

– Не волнуйтесь, мои сладкие! – всхлипнула она. – У нас праздник!

– Да что вы говорите! – выпучила глазенки девочка.

– У нашего короля родилась дочь, и теперь у нас есть принцесса. Говорят, красивая, словно ангел! Радости-то сколько!

– Принцесса? Ого!

– Сообщите всем, мои хорошие!

Несмотря на важность события, Томас особой радости не испытал и только насупился, угрюмо провожая взглядом соседку. Хотя упоминание принцессы породило в его груди странные тягучие ощущения – он хорошо понимал, какой натиск ему предстояло пережить в самое ближайшее время. И не ошибся.

– Невеста, невеста! – завизжала Ирэн, прыгая на месте и размахивая во все стороны руками. – Мы нашли тебе невесту!

– Да отстань ты!

– Жених, жених!

– Да если все девчонки такие, как ты, я вообще никогда

не женюсь! Больно мне надо!

– Ну и дулак! Это ж принцесса! Настоящая!

Обратная дорога прошла в изнурительных спорах. Вернувшись на свой двор, брат и сестра принялись развлекаться как только можно: играть с пузатым щенком, дразнить истошно хрюкавших поросят, возиться с самодельными куклами и стрелять из лука по кухонной утвари на изгороди. Однако вскоре им все это смертельно наскучило, и они решили искупаться, а заодно и проведать маму. Чтобы добраться до источника, нужно было преодолеть два небольших перелеска и разделявшее их поле с подсолнухами, что было сделано довольно быстро и незаметно за веселыми разговорами о будущей невесте.

Перед босыми малышами предстал залитый солнцем болотистый луг, на краю которого виднелся каменистый, слегка бурлящий ключ. Прозрачный ручей почти пополам разрезал пропахшую свежей зеленью территорию, образуя два небольших озера, больше похожих на глубокие лужи. У самого большого водоема несколько селянок усердно полоскали белье. Жена охотника была полноватой молодой женщиной с мягким взглядом и чуть вздернутой верхней губой. Каштановые волосы и зеленовато-карие глаза, словно в волшебном зеркале, отражались во внешности ее отпрысков. На ней было подпоясанное льняное платье и чепчик. Услышав весть о рождении принцессы и соображения девочки по этому поводу, женщина надолго залилась нежным смехом.

– Это ж надо, как ты все ловко придумала, дочка! – удивлялась она. – Однако невесту твоему брату придется поискать в другом месте.

– Почему?! – вдруг предательски вырвалось у Томаса.

– Ага, попался! – взвизгнула Ирэн и толкнула его в воду.

– Она нам не чета, сынок. Мы ведь простые селяне, – объясняла женщина, пока дети брызгались на мели. – А они живут по другим правилам. Они... Они другие.

– Так это правду о них говорят?

– Сложно объяснить. Вырастешь – сам все поймешь.

– Мам, а правда, что они там все очень красивые и у них там балы? – спросила Ирэн, неуклюже изображая бальный танец, стоя по колено в воде.

– И что живут почти вечно? – добавил Томас.

– Ого! Правда?

– Это не важно, дорогие мои. Нам туда все равно нельзя. Да и счастье у нас другое – свое. Поверьте мне: здесь несколько не хуже, чем в столице.

Вдруг женщины ахнули, взглянув на небо за верхушками деревьев: на юге, где-то со стороны Салепа, виднелся черный столб дыма. Затем появились другие столбы. Похожие на огромные ядовитые грибы, они устремились к облакам из глубин леса. Сердце матери учащенно забилось, строгим голосом она наказала своим озорникам отправляться домой, а сама стала энергично достирывать вещи, обсуждая происходящее с не менее взволнованными соседками.

Томас не понимал смысла происходящего, но знал точно: он должен обязательно добраться до дома вместе со своей маленькой сестренкой. У той никак не выходила из головы история про новорожденную принцессу и странных людей Парфагона. К тому же она действительно не понимала, почему взрослые так распереживались из-за какого-то дыма.

Однако, когда они быстро пересекли ближайший перелесок и оказались на поле, засеянном подсолнухами, они увидели леденящее душу зрелище. Им наперерез бежали испуганные люди. Много людей. И старики, и взрослые, и дети. Кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то держал в руках сундуки и свертки, а одна рыдающая женщина в прожженном платье несла обмякшее тело младенца. Одежда у многих была порвана, у кого-то даже виднелись следы крови. Их всех объединяло одно: животный ужас в глазах и всеохватная паника.

Они бежали с юга – из Салепа, куда беззаботные Ирэн и Томас поутру проводили отца. Девочка испуганно и с сочувствием смотрела на пробежавших мимо людей, хотя и не понимала нависшей угрозы, в отличие от своего брата. А у того от страха затряслись руки и ноги.

Потеряв дар речи, дети целую минуту наблюдали происходящее. Наконец Томас очнулся и, крепко схватив изумленную Ирэн за руку, побежал через истоптанное поле в сто-

рону дома. Люди неслись безумным потоком и были так напуганы, что никто даже не обратил внимания на безнадзорных ребятишек. Положение усложнялось тем, что Ирэн стала постоянно спотыкаться и падать буквально на ровном месте. К этому моменту она сама начала понимать, что происходит нечто жуткое, и толстенские ножки едва слушались ее, постоянно заплетаясь друг за друга.

– Вставай, вставай! – отчаянно кричал Томас, когда девочка в очередной раз упала. – Давай же!

– Встаю, – лишь успела ответить Ирэн, перед тем как снова споткнуться.

– Ну что ж ты такая неуклюжая!

Миновав поле и оказавшись в прохладном лесу, Томас побежал не протоптанной извилистой тропой, а напрямую, чтобы выиграть драгоценное время. От этого Ирэн еще больше спотыкалась и постоянно путалась в длинных ветках колючих кустарников. И все же, несмотря на боль и ссадины, она совсем не плакала, а молча бежала дальше, то и дело с волнением поглядывая на напряженное лицо брата.

Вскоре дети выбрались из сырого леса и хорошо знакомыми дворами стремительно донесли до своей калитки. Первым делом Томас спрятал дрожащую Ирэн в стоге душистого сена на краю огорода с длинными грядками молодой моркови и капусты, а сам побежал дальше – к дому. При этом он обратил внимание, что совсем не чувствует усталости, словно внутри него открылся волшебный источник силы.

– Ты куда? – окликнула его сестра.

– Сиди и не высовывайся! Поняла?

– Мне очень стлашно, – заплакала девочка и спрятала голову в сене.

– Я скоро!

Оказавшись у дома и найдя на крыльце самодельный лук, запыхавшийся Томас остановился. Он столкнулся со сложной дилеммой: бежать в город за отцом или обратно к матери? В его голове не было варианта «остаться дома и ждать». Несмотря на юный возраст, мальчик вовсе не чувствовал себя ребенком. Отец приучил его принимать решения и нести ответственность, оставляя одного с непоседливой сестрой и беря с собой на охоту или на рыбалку с ночевкой. Именно пример отца подтолкнул мальчугана к тому, что необходимо действовать.

Более беззащитной ему показалась мать, которая ничего не знала о паникующих беглецах. Не чувствуя усталости, Томас бросился обратно к источнику. Вновь пробегая подсолнечное поле, он опять увидел перепуганных людей, хотя их стало гораздо меньше. А когда добрался до болотистого луга, его ждало разочарование: женщины исчезли. Корзины с опрокинутым в грязь бельем были беспорядочно разбросаны у водоема, и часть одежды медленно уплывала вместе с течением. Между тем небо на горизонте покрылось черной стеной уходящего ввысь дыма.

– Мама! Мама! – громко крикнул испуганный мальчик,

сложив ладони у губ. – Ты где?!

Томас не знал, что разминулся с ней еще в лесу, когда срезал путь по оврагу, и теперь ему ничего не оставалось, как отправиться обратно. Вновь пробегая злосчастное поле, он заметил, что беглецов стало совсем мало. В основном это были немощные старики и покалеченные, которые не могли быстро передвигаться и часто падали. Среди них были и те, кто, выбиваясь из сил, тащил наспех набитые мешки и тюки, рискуя ради них своей жизнью. Тут и сам Томас начал чувствовать усталость, но старался не обращать на нее внимания.

Вернувшись к дому, он сразу же проверил стог сена, однако там тоже никого не было.

– Ирэн! Мама! – закричал он, растерянно оглядываясь по сторонам. – Где вы?! Мама!

С одной стороны, ему сделалось совсем жутко. Причем так, что внутри живота все сжалось и напряглось, а ноги стали ледяными. Но в то же время он догадывался, что сестра, должно быть, уже с матерью, и с ними все хорошо. Но где же они? Забежав в дом, Томас никого там не обнаружил и потому снова вышел на проселочную дорогу и стал выкрикивать их имена во все стороны. Но никто не отозвался – село полностью опустело.

Мальчик забежал на ближайший двор, однако никого там не обнаружил. Потом вспомнил о ткачихе и помчался к ней, но и той дома не оказалось. Покричав своих близких еще

немного, Томас вернулся на улицу. Только теперь он окончательно убедился, что все вокруг опустело, будто жители сбежали, как и те люди, что перебежали подсолнечное поле. Чего же они все так испугались?

Поняв, что остался совершенно один, мальчик направился в сторону устрашающего Салепа. И хотя дорога вела к загадочной опасности, там он надеялся встретить отца, который непременно решит все проблемы. По большому счету, малыш просто не знал, что еще можно сделать. Теперь он хотел лишь встретить хоть кого-то из близких.

Из последних сил запыхавшийся Томас бежал по извилистой и ухабистой лесной дороге в сторону зловещего черного дыма в небе. Теперь и он стал то и дело спотыкаться, а его сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Его окликнула бегущая навстречу растрепанная старушка с соседней улицы:

– Ты куда? Стой же!

– Вы не видели папу? – ловко увернулся от ее рук Томас.

– Беги обратно! Где мама?

Но Томас уже не слушал. Он бежал вперед – весь грязный, измученный и потерянный – не чувствуя ни времени, ни ног, ни самой земли. В какой-то момент он в очередной раз споткнулся и с оглушительным всплеском рухнул ничком в холодную лужу, намочив прилипшие к щекам волосы, выронив лук и распугав пузатых головастиков. Не в силах встать, он лишь немного приподнялся на колени и снова упал, хлеб-

нув полный рот взбаламученной воды. В этот момент чьи-то сильные руки схватили его и уверенно закинули на плечо. Знакомый солоноватый запах мгновенно успокоил малыша, и он вскоре провалился в тягучую темноту.

* * *

– Блатишка... Блатишка... – услышал Томас будто бы издалека.

На веки ему давила крошечная темнота, воздух вокруг был пропитан холодной сыростью, которая обволакивала тело с головы до ног и щекотала нос вонюю гнилых овощей. Теплые мамины руки гладили его по волосам, голова его покоилась на маминых уютных коленях, а где-то рядом бормотала Ирэн.

Взрослые шепотом обсуждали последние новости:

– Не буду говорить, что я видел. Тут дети, – звучал голос отца. – Но это точно мутанты Арогдора. Все снова повторяется.

Томас очень редко слышал слово «мутант» и потому не совсем понимал, о чем речь. Правда, он знал, что это какие-то жуткие чудища и ничего хорошего это не предвещает. А вот об Арогдоре он знал хорошо, ведь местная детвора постоянно пугала друг друга страшилками о нем. Зловещее государство находилось на вершине вулкана, который в ясную и прохладную погоду можно было рассмотреть на севере.

ре. А поскольку оттуда всегда шел дым, особенно зимой, Томас считал, что там, в расплавленной лаве, живут монстры, напоминающие огромных огненных пауков. С этим всегда спорила маленькая Ирэн, убеждая брата, что там живут «почти обычные люди». То есть обычные, только без голов. И если туда попасть, то придется тоже жить без головы, что, по словам смышленной девочки, было нелегко и создавало массу неудобств.

– А как же король? – обратилась ткачиха к охотнику. – Где же рыцари?

– Я никого не видел. Там были только сборщики дани. От них мало толку.

– Похоже, что-то внезапное, – заключил знакомый мужской голос.

– А ведь когда-то за мной ухаживал один такой... – мечтательно протянула пожилая женщина. – Было время!

– Сборщик дани? Не ври! – произнес все тот же мужской голос. – Хоть ты и была красивой бабой, но для них ты все равно страшная, как кобыла.

– Правда!

– Не придумывай! Еще и дура!

– Что же нам теперь делать? – перебила их мать Томаса.

– Либо бежать, либо ждать рыцарей, – объяснял ее муж. – Бежать опасно, поскольку мы не знаем, куда можно бежать. Никто ничего не знает, а мутанты могут быть везде. Салеп ведь ближе к Парфагону, чем мы. То есть нас отрезали от

армии.

– Остается ждать? Здесь?

– Мы не знаем, когда это закончится. А что, если Парфагон взят и никакой армии уже не будет? Но одно могу сказать точно: нам нельзя попасть в руки мутантов, иначе придет конец всему. Вы не представляете, что они вытворяют!

Услышав эти слова, Томас почувствовал странное превращение внутри себя. Внезапно все, что существовало в его короткой жизни, ушло на второй план или исчезло совсем. Все стало неважным и незначительным, растаяло, как лед на весеннем солнце. Осталась только одна ценность – просто жизнь, если можно быть рядом со своими близкими. Неважно, где и как, главное – быть всем вместе. Главное – всегда чувствовать нежные мамины руки, слышать звонкий голосок сестренки и видеть добрый взгляд отца. Все остальное стало неважным, когда главные ценности вдруг оказались под угрозой – угрозой, напугавшей даже отца, которому, казалось, был абсолютно неведом страх.

Томас открыл глаза и заплакал, не в силах сдерживать нахлынувшие чувства. Приподнявшись, он обнял мать и огляделся. В тусклом свете свечи было видно, что селяне спрятались в чем-то погребе. Повсюду виднелись горки сморщенных овощей, в основном редьки и моркови, а у стены были аккуратно расставлены глиняные кувшины с зерном и мукой. Отцовская куртка была накинута на плечи матери и немного прикрывала маленькую сестренку.

– Блатишка! – обрадовалась Ирэн.

– Как ты себя чувствуешь? – забеспокоилась мама, но ее тут же успокоил отец:

– С ним все хорошо. Перенапрягся.

– Так что же нам делать? – сокрушался старый плотник с проплешиной на голове, одетый в измазанную грязью рубашку, черные штаны и такие же, как у всех селян, коричневые кожаные башмаки. Томас не сразу узнал его голос.

Отец опустил голову и задумался. Только сейчас мальчик увидел кровавые пятна на его рубашке и глубокие ссадины на руках и лице. При тусклых отблесках свечи в его взгляде читалась растерянность, даже какая-то обреченность.

– У нас, конечно, есть оружие, – указал он охотничьим ножом на стоявшие в углу погреба арбалет и топор. – Но это нам не поможет.

– Я могу еще что-нибудь найти, – предложил плотник.

– Нет. В этом нет смысла! – неожиданно повысил голос охотник. – Мы даже всей деревней не смогли бы справиться с одним мутантом. Они наверняка не пройдут мимо нас, а потому лучше тщательно спрятаться.

– Сколько у нас времени?

– Не знаю. Полагаю, до вечера разграбят Салеп и все поселения между городом и нами.

– Может, лучше бежать? – почти проплакала ткачиха.

– Куда? Мы отрезаны от Парфагона, а до любой из Башен целый день пути.

В этом отец Томаса был абсолютно прав. Атака мутантов оказалась самой масштабной и глубокой за многие годы. Как обычно, ее целью было нанести максимальный урон неприятелю, разграбив его территории и выкрад малолетних детей – будущих мутантов. Собственная рождаемость в Арогдоре была недостаточной, чтобы возмещать потери из-за постоянных войн с Парфагоном и высокой смертности.

Кроме того, предводителю Варнеру Эйзенбергу примитивное устройство его государства не позволяло обеспечивать всех его жителей пищей и другими ресурсами. А ведь мощь армии, да и каждого мутанта в отдельности зависела исключительно от количества потребляемой еды. Поэтому набеги на соседние земли были жизненной необходимостью. Именно потому его полководец – безжалостный генерал Айвор Джавер – совершил внезапный рейд, дерзко отрезав северные территории Парфагона. Мутанты собирались полностью опустошить эти земли. Кроме того, имелась надежда, что беспрецедентная по жесткости операция обескровит короля Альберта Третьего, и его королевство окажется под угрозой поражения.

Посоветовавшись, взрослые все же решили оставаться на месте и попытаться максимально обезопасить себя на случай, если мутанты войдут в селение. Было решено прятаться в этом же погребе, поскольку он находился в единственном кирпичном строении, принадлежащем знаменитому на всю округу кузнецу Максиму Ланку. Последний, судя по всему,

поддался общей панике и бежал в неизвестном направлении. Другие дома выбирать не стоило, ибо армия генерала Джавера всегда дотла сжигала покоренные земли. Этот двухэтажный кирпичный дом они тоже разрушат, но зато был шанс, что в погребе им удастся выжить и потом выбраться. Кроме того, смрад подгнивших овощей мог защитить их от чуткого обоняния мутантов, с помощью которого они легко выискивали своих жертв.

Пока еще оставалось время, следовало тщательно подготовиться к приходу врага – нужно было сделать так, чтобы у мутантов не оставалось никаких причин задерживаться в этом небольшом селении. По слухам, для этого следовало уничтожить все, что могло представлять для арогдорцев интерес. Мужчины вылезли из погреба и отправились поджигать окрестные дома. Перед каждым поджогом они выпускали из загонов и амбаров скот и птицу – в надежде, что хоть кого-нибудь потом удастся найти.

Женщины тем временем занялись более насущными проблемами. Например, следовало найти много одежды и одеял, чтобы не околеть за ночь в холодном подземелье, собрать как можно больше еды, воды и свечей. А поскольку селение было весьма зажиточным, этого добра было предостаточно практически в каждом жилище. В итоге, собрав все необходимое в большие мешки, женщины вернулись в дом кузнеца, когда тусклое солнце уже садилось. Однако на улице не темнело – небольшие улочки освещались пламенем горевших домов.

Свиньи, коровы, лошади, овцы, кролики и куры разбежались во все стороны. Лишь некоторые из них не понимали, куда бежать, и потому оставались на безопасном расстоянии от полыхающих, но привычных для них загонов.

Женщины вошли в кухню, освещаемую огненным заревом сквозь синий тюль на окне. Они увидели квадратный стол по центру, кирпичную печь с толстой трубой и добротные шкафы с деревянными дверцами. На полках были аккуратно составлены чугунные сковороды, глиняные горшки, деревянные кружки, половники и прочая кухонная утварь. Подойдя к погребу у стола и заглянув вниз, они с ужасом поняли, что ни Томаса, ни Ирэн там нет. Не нашли их и в доме. Выйдя на улицу, ткачиха попыталась окликнуть детей по имени, но внезапно откуда-то сбоку выскочил плотник, зажал ей руками рот и повалил на землю. Вместе с отцом Томаса они ползком потащили ее по земле в дом. Там они точно так же поступили со второй женщиной. Та пыталась закричать и вырваться, но крепкие руки мужа изо всех сил сдерживали ее отчаянные попытки и тянули в сторону погреба.

Затащив рыдающих женщин вниз, мужчины туда же кинули и их мешки с провизией. Быстро сообразив, что детей нет на месте, охотник шепнул старому плотнику:

– Лезь вниз и будь с ними. Я найду детей.

– Сам только не попадись!

Используя все свои навыки, мужчина где ползком, где

на корточках бесшумно покинул дом и обошел ближайшую территорию по периметру. Однако он был вынужден срочно возвращаться в погреб, ибо чуткие мутанты замелькали в соседних дворах. Со слезами на глазах и в полном отчаянии он постучал в дверцу погреба и живо ввалился вниз, как только ее открыли. Его жена не теряла надежды до последнего, но, увидев растерянного мужа, лишь крепко прижалась к нему и еще сильнее зарыдала.

Незадолго до этих событий Томас, лежавший в полудреме, заметил, что Ирэн зашевелилась и отошла от него. Сначала он не придавал этому значения, но вскоре полная тишина его озадачила. Открыв глаза, он обнаружил, что находится в погребе совершенно один, и потому тут же выбрался наружу. Сестренка уже целую неделю буквально не отходила от своего щенка, и поэтому Томас хорошо знал, где ее искать.

Он догнал Ирэн у калитки их двора, где она с раскрытым ртом смотрела, как полыхает и потрескивает в ярком пламени родной дом.

– Песик!

– Почему ты ушла?

– Мне нужен Пузанчик!

– Он убежал, или его забрали соседи. Пойдем обратно!

– Плавда?

– С ним все хорошо.

– А кукла?

Деревянная игрушка в платье из мешковины одиноко ле-

жала на крыльце, которое вот-вот должно было запылеть.

– За мной, быстро! – скомандовал Томас, схватив Ирэн за руку, но та упрямо стояла на своем.

– Кукла! Ей больно!

– Сестричка, любимая, я тебе потом другую куклу сделаю, – почти со слезами умолял ее брат. – Пойдем!

Но девочка, не понимая происходящего, напрочь отказывалась идти, с пронзительным визгом цепляясь за плетеную изгородь, так что оттуда попадали черепки и шкуры животных. Тогда Томас понял, что у него есть только один выход.

Несмотря на то что огонь уже подобрался к крыльцу, мальчик осторожно подбежал к кукле и, схватив ее за ногу, вытащил из зева голодного пламени, слегка подпалив свои длинные волосы. Затем он вместе с довольной Ирэн поспешил к кирпичному дому.

Вдруг Томас заметил за полыхающими постройками странное движение на опушке леса, примыкавшей к селению с юга. Недолго думая, он толкнул сестру на заросшую обочину дороги и сам упал рядом. Сквозь траву и кусты оба они увидели то, что их сознание поначалу отказывалось воспринять. Это можно было сравнить с кошмарным сном, бредом сумасшедшего или большой фантазией. Однако это происходило по-настоящему, словно привычного мира больше не существовало, будто он – выдумка. Такой парализующий и даже потусторонний страх вызвал у впечатлительных ребятшек первый в жизни увиденный ими мутант.

Он выехал из густого леса верхом на мощном коне и остановился, разглядывая огненное зрелище и тщательно внюхиваясь в воздух. Во всполохах пламени хорошо просматривались его невероятные габариты и потрясающее телосложение. Он был почти в полтора раза выше обычного человека, а его загорелая курносая рожа хоть и сохранила человеческие черты, но больше походила на звериную морду. Такое впечатление создавали выдававшаяся вперед нижняя челюсть, массивные надбровные дуги и желтоватые клыки, торчащие над верхней губой. Огромное мускулистое тело с широченной грудной клеткой оказалось покрыто наростами в виде темных щитков поверх каждой из мышц. Эта броня являлась неотъемлемой частью его тела, так как сама росла на нем. При этом кожу между щитками покрывал короткий и такой же темный мех. Но больше всего детей поразили две пары мускулистых рук и длинные темные дреды на голове.

Из одежды на мутанте были лишь помятые кожаные сапоги и штаны, а также скрещенные на груди ремни, которые поддерживали торчавшие за спиной ножны меча и колчан для стрел. Массивный ремень держал ножны с двумя кинжалами, а на седле висели увесистый дубовый лук, чехлы разных размеров и набитые чем-то мешочки. Двумя нижними руками воин опирался на деревянную перекладину впереди себя, а верхние руки сжимали устрашающе длинный топор и слегка изогнутый меч с широким клинком и длинной рукоятью.

Оглядевшись, ародорец решил подойти поближе к полыхающим домам. И тут Томас и Ирэн увидели, что он сидел вовсе не на коне-тяжеловозе, как им сначала показалось.

Если про мутантов они хотя бы уже слышали, то про этого зверя под необычно громоздким седлом они не знали ничего. С одной стороны, они видели, что это бесхвостое существо также имело некоторые узнаваемые черты. Взгляд у него был какой-то свой, человеческий, может быть, даже добрый. С другой стороны, оно было похоже на нечто среднее между буйволом и конем, только немного выше и массивнее за счет мышечной массы, полностью лишенной жира. Лоснящуюся кожу диковинного создания местами покрывали темные выющиеся пряди, особенно на груди и животе. Его тело ничем не было покрыто, если не считать седла с прожженными тряпичными накладками красного цвета, свисавшими с боков и сзади. Его скулы играли на широченной челюсти, а с загорелой круглой хари, сморщенной от дыма, свисали две длинные косы. При этом его рукоподобные копыта смотрелись немного странно, ведь это был челоконь – человек, мутировавший в подобие коня.

– Говорила тебе: это не пауки!

– Молчи ты, – фыркнул Томас, зажав рот говорливой сестре, и на карачках потащил ее в укрытие.

Оказавшись в спасительном доме кузнеца Макса Ланка, они подползли к дверце погреба на кухне и тихо постучали в нее. Дверца тут же растворилась, и две пары мужских рук

почти мгновенно затащили беглецов внутрь. Поддав детям крепких подзатыльников, взволнованные родители обняли их так крепко, как не делали этого никогда в жизни.

* * *

Мутанты Арогдора верхом на челоконях постепенно и осторожно заходили в опустевшее селение с разных сторон. Их было всего два небольших отряда – около двух дюжин. Но, учитывая чудовищную мощь каждого из них, этого было вполне достаточно для захвата и полного уничтожения небольшого городка. Если, конечно, в нем не несли службу отважные рыцари Парфагона.

В сопровождении четырех мутантов из леса выехал Айвор Джавер – полководец армии Арогдора, который лично руководил жестоким рейдом.

Внешне легендарный генерал был крупнее обычных мутантов и заметно выделялся среди них. Его можно было легко узнать по глубоко посаженным глазам, толстым черным дредам, стальному шлему с широкими витыми рогами, а также по кольчуге с блестящими стальными латами под приятной глазу алой накидкой. В остальном он был похож на других массивных мутантов с клыками, нарощенной темной броней, двумя парами рук и загорелыми мордами. Редкостная целеустремленность, помноженная на незаурядные умственные способности, сделала из него невероятно успешно-

го полководца, которого уже долгие годы не удавалось устранить Парфагону.

Пройдя вдоль улиц с горящими домами и собравшись на центральном перекрестке, недоумевающие мутанты салютовали друг другу, дружно вскинув верхние левые руки:

– Виват, Арогдор!

– Виват, Эйзенберг!

– Кто здесь работал? – прогремел перекастистым басом генерал, оглянувшись на грохот обрушивающегося дома.

– Похоже, это местные, – прошипел старший мутант, которого отличали красные повязки на плечах верхних рук. – Снова сами подпалили.

– Уверен?

– Амбары полные горят, скот по улицам ходит и...

– Понятно. Ищи другое место.

– Нет необходимости. Пройдемте за мной!

Так получилось, что для ночевки полководец выбрал именно это селение. Местечко было настолько неприметным, что разведка Парфагона вряд ли кинется его искать в такой дыре.

Вся остальная армия Арогдора, состоявшая почти из тысячи мутантов, продолжала свою кровавую охоту в сотне других поселений, где и оставалась на ночлег разрозненными группами. В самом кратере и на вулкане остались еще две большие группы резерва. Таким образом, общая численность боевых мутантов под командованием Айвора Джа-

вера доходила до двух с половиной тысяч. Учитывая концентрацию силы и скорость передвижения на челоконях, общая мощь армии представляла собой невероятно страшную и разрушительную силу. Она равнялась по меньшей мере тридцати или даже сорока тысячам обычных воинов.

Мутанты выстроили оцепление вокруг кирпичного дома, единственного уцелевшего в селении, а подоспевшая телега тыловой службы подвезла провиант генерала, а также двух его подруг. Поскольку кровати были слишком малы, Джаверу постелили специальную перину прямо на полу спальни кузнеца, выбросив в окно все прежнее убранство комнаты. Удобству сна и его количеству уделялось много внимания даже в боевых походах.

Наконец все было готово к ужину. На квадратный кухонный стол поставили масляную лампу и много еды в огромных мисках. Основную часть еды составляли жареные поросята и куры, но тут также были и лепешки, и питательная перловая каша с зеленым луком. Этот ужин был рассчитан лишь на четырех мутантов, в то время как обычная семья могла растянуть такие запасы на целую неделю.

В помещение вошли Джавер и старший воин. Их сопровождали, стуча каблуками, хихикающие подруги генерала – блондинка и смуглая брюнетка. Девушки были высокими, тонкокостными, но при этом невероятно фигуристыми. При тонких лодыжках и узкой талии у них были упругие, невообразимо пышные формы, которые так и выпирали из длин-

ных цветастых платьев. Их счастливые лица казались удивительно похожими и пугали острыми подбородками, огромными губами и крошечными носиками. Можно было подумывать, что они выглядят именно так, как мечтают выглядеть многие женщины, дай им такую возможность.

Молча усевшись друг напротив друга, четырехрукие мутанты откинули длинные дреды за спину и, жадно чавкая, приступили к еде. Без такого количества потребляемой пищи было невозможно сохранить устрашающий облик – ведь их внушительные размеры напрямую зависели от питания. Поэтому перебои с продуктовым снабжением и уж тем более голод могли привести Арогдор к поражению в многовековом противоборстве с самодостаточным Парфагоном.

Прямо под столом за этим пиршеством наблюдали окаменевшие Томас, его сестра, их родители и пожилые ткачиха и плотник, все едва живые от ужаса. Они не только слышали звериное чавканье и хруст косточек, но и могли видеть часть помещения сквозь щели между прогнувшимися досками пола, который постанывал от такой тяжести. Никто из селян никогда в жизни бы не предположил, что может произойти такое ужасное совпадение. Прочный кирпичный дом, вместо того чтобы стать их верным спасением, в итоге лишь до предела усугубил ситуацию, почти похоронив надежды на благополучный исход. Мутанты были всего в трех футах над их головами, и это не могло не предвещать скорой беды.

Оправившись от шока, дрожащий Томас отвел глаза от

потолка и в почти полной темноте стал разглядывать взрослых и сестру, освещенных тусклыми полосами света, что сочился меж досок. Отец был взволнован и предельно сосредоточенно вглядывался то в одну, то в другую прорезь наверху. На его лице совершенно не было страха, в отличие от бедного плотника, который едва держал топор и тоже смотрел вверх, практически не моргая. Ткачиха, сжавшись в комок и закрыв руками глаза и рот, спряталась в углу. Мама и Ирэн лежали на одеяле почти по центру, спрятав головы под большую подушку, чтобы невольные возгласы девочки не выдали их уязвимого укрытия.

– Да что же это за вонь?! – вдруг прорычал Джавер, шумно обнюхивая стол и окружающее пространство.

– Тоже не могу терпеть это, дорогой, – раздраженно подтвердила блондинка, вызвав пристальный взгляд смуглой подруги, сидевшей напротив.

– Извините, генерал, – оправдывался воин. – У нас не было выбора. Видимо, это из погреба под столом.

– Гнилые овощи! Какая мерзость! – не успокаивалась аргдорка.

– Там что-то еще... – внимательно внюхивался Джавер, повергнув в панику несчастных селян под полом: испуганные женщины еще больше сжались и затряслись, а мужчины в растерянности начали переглядываться, словно пытаются найти поддержку в глазах друг друга. Плотник поднял топор, будто собираясь прямо сейчас вступить в неравный

бой, а охотник медленно направил на дверцу взведенный арбалет. Тем временем, дожевывая куски мяса и сглатывая жи- лы, монстры неспешно поднялись со стульев, обступили уз- кий лаз и стали разглядывать его, стоя на досках, не рассчи- танных на столь рослых гостей. Нижние руки Джавера упер- лись в бока, а правая верхняя сжала за спиной рукоять меча и со скрежетом немного вытащила его из ножен. Старший воин верхними руками взял с пояса кинжалы и наклонился к дверце погребца.

– Посмотрим, что там у нас, – произнес он, потянув ручку.

Селяне приготовились к худшему: Томас прижался к тря- сущейся матери и уткнулся лицом в ее бок, а его отец на- чал прицеливаться в проем. Плотник же, наоборот, тихо по- ложил топор на земляной пол, и слезы покатались по его обрюзгшим щекам. В эти мучительные мгновения все они были уверены в своем скором конце.

Наконец послышался скрип, и тяжелая дверца начала под- ниматься, заливая погреб светом.

– Стойте! – внезапно вскочила брюнетка.

– Что? – оглянулся генерал.

– Вы выпустите оттуда этот ужасный запах!

– И?

– Может, сначала доедим?

– А ведь она права, – блондинке с горечью пришлось при- знать правоту соперницы. – Дорогой, давай сначала поужи- наем!

– Ух, бабы! То вам одно, то другое... Как вы вообще живете? – произнес раздосадованный генерал, вставляя меч в ножны и возвращаясь к столу. То же самое сделал и старший воин, опустив злосчастную ручку дверцы, и селяне облегченно выдохнули, обнаружив, что не дышали всю последнюю минуту.

Немногословная и голодная компания вновь приступила к еде, запивая ее ведрами жирного молока и воды. Вдруг сквозь громкое чавканье и грохот посуды послышалось тихое постукивание оттуда, где сидела смуглянка. Отец Томаса широко раскрыл глаза и переглянулся с плотником. Сначала мальчик не понял, что это значит, но потом его осенило: эта странная женщина сознательно спасла их от своих сородичей! И действительно, на широком лице брюнетки можно было заметить легкие отблески улыбки, а в глазах – облегчение. Другие прожорливые гости были слишком заняты своими желудками, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Набив брюхо, довольные мутанты то ли позабыли про погреб, то ли просто не захотели о нем вспоминать. После столь тяжелого дня все они желали лишь добраться до какой-нибудь постели и быстрее уснуть. Тем более что рыцари Парфагона уже активно рыскали по всем направлениям, оставляя противнику не больше одного дня, чтобы отступить в Арогдор.

Страдалцы в погребе с облегчением слышали, как воины напоследок погромели опустошенной посудой и успоко-

ились. Еле передвигая ноги, они стали расходиться по комнатам, придерживая набитые животы, покрытые наростами брони и коротким мехом. Немного пошептавшись, последними из кухни вышли женщины.

Ирэн, не выпуская куклу, уснула в объятиях матери с головой под подушкой еще во время ужина арогдорцев. Несмотря на страх, опустошенный Томас теперь тоже, как и остальные, стал быстро и глубоко проваливаться в сон. Лишь его отец вынужден был мучиться дальше, всю ночь следя за тем, чтобы никто не захрапел.

* * *

На следующий день всем гостям в доме кузнеца пришлось проснуться на рассвете. Хотя в обычной жизни мутанты спали непомерно долго, во время рейдов они не могли себе этого позволить. Поэтому спасшиеся в погребке селяне ранним утром проснулись от тяжелых шагов, когда на кухню зашел изголодавшийся Джавер с помощником:

– Где жратва?

– Обоз попал в засаду. А вчерашний провиант закончился...

– Что за бред?! – прогремел бас генерала, и послышался скрежет ножен.

– Простите! Мы не ожидали, что селение будет опустошено, – сдавленно произнес старший воин, горло которого уже

прижимало холодное лезвие. – Здесь ничего не осталось в загонах.

– Так иди и поймай пару баранов, ленивая свинья! В воючем погребе посмотри – может там что-то еще не сгнило. У тебя есть полчаса, пока мне докладывают обстановку. Усек?

– Конечно!

– А может, не надо, Айвор? – услышали обомлевшие селяне такой дорогой голос брюнетки. – Мы можем потерпеть.

– Я не буду терпеть, женщина.

– К чему такая спешка? Мы можем поест в другом месте.

– Не слушать ее. Выполнять приказ!

Промерзшие дети вновь прижались к побледневшей матери, которая осторожно отвела их в дальний угол, к ткачихе. Мужчины же обреченно взяли в руки свои орудия и приготовились дать отпор врагу. В этот момент в глазах женщин появились слезы и отчаяние. Они метали испуганные взгляды то на охотника, то на плотника, пытаясь искренне поверить, что те смогут хотя бы что-то изменить в этой скверной ситуации.

Сначала селяне услышали, как из кухни все вышли и воцарилась спасительная тишина, дававшая надежду на выживание. Но уже через минуту эти тщетные ожидания растворились в небытии, словно лопнувший мыльный пузырь: слышались тяжелые шаги двух монстров, которые неумолимо приближались. Наконец они остановились возле дверцы

и с громким лязгом открыли ее.

Опущенный вниз светильник в нижней руке мутанта осветил погреб, выдавая всех его жильцов с искривленными от ужаса лицами. Меткая стрела из арбалета вонзилась точно в центр массивного лба арогдорца, а топор плотника глубоко засел в его бронированном наросте на левой груди. Издав дикий вопль, но не сделав даже шагу назад, гигант вытащил острое лезвие из груди и смело спустился по ступенькам вниз, держа в верхних руках сверкающие смертоносные кинжалы. За ним следом кинулся точно так же вооруженный сообщник – вонючий, хуже псины. Мужчинам ничего не оставалось, как с отчаянными криками с ножами броситься на воинов. Однако длинные руки мутантов в наростах брони молниеносно расправились с безумцами, причем на глазах у визжащих детей и женщин, обнявшихся в дальнем углу.

Обозленный арогдорец с торчащей из головы сломанной стрелой, согнувшись почти по пояс из-за низкого потолка, снова и снова кромсал бездыханное тело отца Томаса – до тех пор, пока оно не превратилось в расчлененную кровавую массу. Весь погреб вместе с людьми оказался забрызган теплой кровью и склизкими ошметками человеческой плоти. Женщины тем временем продолжали визжать во все горло, прижимая к себе пищущих детей. Хотя они пытались закрыть глаза малышей, пораженный Томас видел все детали расправы. Сперва мальчику казалось, что все это не по-настоящему, что ему это кажется или снится. Его не по возра-

ту серьезные глаза источали слезы, а внутри все словно обломилось от невозможности что-то изменить и вернуть назад.

На шум и крики быстро сбежались другие мутанты, включая генерала и его подруг. Обступив вход в погреб, они внимательно смотрели на представшую перед их взором кровавую картину.

– Убить баб! – послышалась новая команда, заставив Томаса изо всех сил вцепиться в мать.

– Да сколько можно?! Прекратите! – пыталась заступиться полуголая смуглянка. Она немедленно получила пинок в живот и тут же свалилась под стол, рыдая и рвя волосы на голове. – Уроды вы все! Когда это закончится?!

Раненый старший воин и его помощник молча отдернули беспомощно скулящих детей от матери и ткачихи. Затем они нанесли ошеломленным женщинам, отчаянно тянувшим руки к малышам, несколько ударов кинжалами в грудь и голову, вонзая лезвия по самые рукояти.

Стало тихо и спокойно. Лишь охрипшее мычание трясущихся отпрысков охотника нарушало безмятежность сельского утра.

Но на этом генерал не успокоился.

Все мутанты замерли, когда он вытащил из ножен широкий меч и спустился в залитый кровью погреб. Дрожащие Томас и Ирэн прижались друг к другу, думая, что пришел их черед. Однако хладнокровный Джавер молча подошел к впавшему в ступор старшему воину и с хрустом вонзил кли-

нок под нижнюю челюсть, прибив голову к низкому потолку. Выпучив глаза, воин выронил светильник, обмяк и рухнул на колени, повиснув массивным подбородком на крестовине меча, утопающего в потоке густой крови.

– Тупорылый! – выругался Джавер. – Недоносков в обозы, и уходим на север. Доложите обстановку по пути.

Как только генерал вместе со своей свитой покинул обугленные останки села, к кирпичному дому подоспели гремящие телеги из ресурсного обоза. Большая часть повозок, запряженных костлявыми кобылами, были перегружены награбленным богатством: мешками с продуктами и домашней утварью. Одна из телег, представлявшая собой клетку из толстых прутьев, была битком набита маленькими детьми. Они были в грязных и оборванных туниках. Частью израненные и избитые, малыши беспрерывно плакали и стонали, отчаянно зовя охрипшими голосами своих матерей и умоляя дать хоть немного воды и хлеба.

Молодой мутант с недоразвитыми нижними руками, от которого разлило тошнотворной смесью пота и какой-то отвратной кислятины, подвел обреченных Томаса и Ирэн к клетке. Он уже было собрался засунуть их внутрь, но воин с красными повязками на плечах, рыжими дредами и такой же густой бородой остановил его:

– Так, а это зачем, дебил?

– Что не так?

– С девкой все понятно – она подходит, – прошипел стар-

ший воин, переводя красные глаза на Томаса, – а вот губошлепа я не возьму. Это переросток! Не видишь, безмозглый?

– Мне приказали – я выполняю.

– Да? Ну, вот тебе новый приказ: девку в клетку, а пацану перерезать глотку.

Рыжий монстр произнес это настолько хладнокровно, что сразу чувствовалось, насколько часто ему приходилось отдавать такие приказы. Поскольку молодой воин впал в ступор, его старший товарищ сам оторвал завизжавшую Ирэн от брата и грубо закинул ее в телегу поверх других детей. После этого обоз сразу же двинулся в сторону леса, проезжая обугленные останки села в сопровождении истощенного лая щенка, откуда ни возьмись выбежавшего на шум. Девочка высунула из клетки пухленькие ручонки и, отчаянно крича, потянула их в сторону рыдающего брата, которого крепко держал за волосы мутант, неуверенно вытаскивая кинжал из ножен.

Палач Томаса был очень молод и неопытен. В отличие от других мутантов, его нижние руки были несколько недоразвиты, худы и коротки, словно еще не успели до конца отрасти. Непосредственно в боях, видимо, он еще никогда не участвовал, а лишь помогал собирать ресурсы на захваченных территориях. Поэтому убить человека, а уж тем более ребенка, ему было сложно. Оглядываясь по сторонам и будто ожидая чьей-то поддержки, он долго не мог решиться на выполнение приказа, боясь даже взглянуть на чумазого селянина.

Когда телега с Ирэн окончательно скрылась из вида, Томаса неожиданно накрыли необузданная злость и распиравший изнутри жар. К горю по оставленной без защиты любимой сестренке добавилась возникшая перед глазами кровавая картина убийства беспомощных родителей. Страх вдруг совершенно пропал, и всем его телом начали управлять лишь животные позывы, наглухо затуманившие рассудок. Откуда-то появилась невиданная ранее сила, бурлящий прилив которой можно было осязаемо почувствовать. И если эту мощь не использовать немедленно, то можно было разорваться на части.

Резко дернувшись, ценой клока густых каштановых волос, озверевший Томас вырвался и ловко нырнул между ног опешившего мутанта. Пока неповоротливый воин разворачивался, мальчуган уже скрылся за углом обугленных останков соседнего дома, а несколько других арогдорцев с грубыми проклятиями кинулись за ним в погоню. В отличие от чужаков, ребенок хорошо знал свое родное селение и мог ориентироваться в нем даже с закрытыми глазами. Быстро и юрко перебегая от одного забора или пожарища к другому, он в какой-то момент почти добрался до спасительного леса и уже почти сбежал от безжалостных монстров. Но, пробегая последний огород у опушки леса, он вдруг почувствовал сильный удар в бедро и нестерпимую боль.

Свалившись в грядку с молодой свеклой и оглядев себя, Томас увидел, что необычно толстая и длинная стрела за-

стряла в его левой ноге, пройдя ее насквозь. Туника стала быстро пропитываться кровью, а страшная боль не давала мальчику не только встать, но и пошевелиться. Поэтому, пока он, плача и крича, пытался вытащить увязшую в плоти стрелу, его окружили довольно похрюкивающие мутанты. Они весело смеялись, глядя на своего неопытного товарища, и издевательски подтрунивали над ним:

– Этот сосунок похрабрее тебя будет!

– Посмотри на его ручищи! Тебе бы такие, а?

– Они толще твоих в два раза!

– Пошли вон, крысы! – огрызнулся запыхавшийся молодой палач, замахиваясь громадным топором. Однако маленький селянин так просто не сдавался: он метко бросил в глаз мутанту острый камень и под истерический смех других арогдорцев кинулся кусать его за ноги. Конечно, разгоряченный воин легко увернулся от молочных зубов мальчика, но тут же неожиданно рухнул на землю рядом со своей так и не покорившейся жертвой.

В первые мгновения умолкшие мутанты, да и сам Томас замерли, не в силах понять, что произошло. Однако вскоре они заметили стрелу в затылке опозорившегося воина, который в неловкой позе распластался в ростках молодой свеклы. Тут же послышались свист других стрел и их гулкие удары в плоть и броню. Еще два мутанта сразу же упали замертво, а один с жалобным криком схватился за пробитое насквозь плечо. Затем зазвучали грубые голоса, сотрясающий

землю топот и угрожающее бряцание тяжелых доспехов: из леса на огромной скорости вырвался небольшой отряд рыцарей Парфагона.

До этого момента Томас видел их только на старых и неуклюжих рисунках, в своем воображении и в снах. Он обожал слушать истории, сказки и легенды о них и часто сражался на деревянных рыцарских мечах с соседскими ребятами. В этом не было ничего удивительного – ведь все мальчишки королевства мечтали стать рыцарями.

В отличие от мутантов, доблестные воины Королевской рыцарской армии перемещались на обычных конях, пусть и самых мощных и высокорослых пород, и имели привычное, человеческое строение тела. От обычных людей их отличали невероятная мускулистость и неестественная сила, а также выдающийся рост. И хотя каждый из них был на две или три головы выше среднего взрослого мужчины, по этому показателю они все же уступали любому четырехрукому мутанту. Под синими накидками их торсы были облачены в плотные рубахи, поверх которых красовался стандартный фигурный панцирь с кольчужными рукавами, воротником и короткой юбкой. Голову они защищали округлым шлемом, прикрывавшим не только шею, но и почти все лицо, оставляя лишь овальные отверстия для глаз, переходившие в проем для носа и рта. На ногах они носили штаны из плотной ткани и начищенные до блеска кожаные сапоги выше колен. Кроме того, у них имелись выгнутые прямоугольные щиты, которые

вместе с копьями висели на сбреу. Из оружия каждый из них использовал меч с синей рукоятью, копье, кинжал, а также габаритный арбалет, способный пробить особо прочные черепа неприятеля.

На глазах у оторопевшего Томаса завязался молниеносный бой: рыцари с разгона вонзили свои длинные копья и острые мечи в толпу разбегающихся мутантов. Кто-то из аргдорцев отчаянно сопротивлялся, кто-то умолял о пощаде, но королевским воинам удалось без потерь раскромсать пойманного врасплох противника, никого не пощадив.

Едва не раздавив мальчугана, разгоряченные рыцари с ходу рванули вглубь обугленного селения. Всего их было не больше дюжины, но это была колоссальная сила, которая произвела на мальчика незабываемое впечатление. Он впервые испытал те особые чувства, которые взрослый человек назвал бы гордостью за свою отчизну. Казалось, на одних этих эмоциях можно было легко прожить целую неделю без еды и воды. Поэтому, забыв о потере близких и о боли, истекающий кровью Томас воодушевленно наблюдал, как бронированные воины короля Альберта Третьего добивали мутантов, пока сознание не покинуло его.

* * *

Отряд рыцарей Парфагона, состоявший из отборных воинов под командованием Нильса Дора, расположился на по-

росших мхом бревнах вокруг потрескивающего костра. Из глубин ночного леса то и дело доносились едва слышные крики да эхо зловещего уханья совы. Измученные горожане молча наслаждались запахом запекающегося кабана. Лишь пара раненых воинов, ворочаясь с боку на бок чуть поодаль, иногда тихо стонали и кряхтели.

Отсветы желтого пламени ласкали фигуру Нильса и освещали его большую голову с широкими скулами, внушительным носом и задумчивым взглядом из-под русых локонов. На вид ему было чуть больше тридцати лет, но он не особо стремился к безукоризненной внешности, в отличие от большинства жителей Парфагона. Нильс считал, что мужчине не нужна красота, чтобы получать все радости жизни. И хотя такая позиция вызывала насмешки, в его случае она действительно была эффективной.

Воин уже почти целый век служил королю и стремился стать большим военачальником, однако, несмотря на удивительную живучесть, продвижения по службе давались с большим трудом. Хотя он был на хорошем счету у главнокомандующего, со стороны сердца красовался всего лишь бронзовый жетон с гербом Парфагона в виде двух пересекающихся колец. Этот похожий на срез угловатого яблока знак отличия говорил о том, что его обладатель – низший офицер в звании центуриона. Он мог командовать не более чем сотней воинов, то есть центурией, но чаще всего – одной или несколькими дюжинами.

– Не волнуйся, – пытался его приободрить красавец Ричард Фейн, длинноволосый блондин с по-благородному вытянутыми чертами лица и светло-голубыми глазами. – В следующий раз точно не уйдет.

– Если бы на несколько минут раньше...

– Будем еще ближе.

– Что я опять скажу легату? Как я буду смотреть в глаза королю? – шевеля мечом угли, сокрушался Нильс. – Опять та же самая история. В который раз!

– Постой, но это ведь не наша вина? Мы были быстры, насколько могли.

– Это всегда наша вина.

Лежащий чуть в стороне и укрытый синей рыцарской накидкой Томас простонал и снова затих. Взволнованный Нильс тут же встал и быстро подошел к нему. Увидев, что несчастный мальчуган все еще без сознания, он поплотнее прикрыл его и молча вернулся к костру, где его товарищи уже что-то весело обсуждали.

– Я все-таки не понимаю: зачем ты его взял с собой? – кивнул Ричард в сторону селянина.

– В нем что-то есть. Его нельзя там оставлять.

– От него даже мутанты отказались. Мы уже ничего не сделаем из него. Он слишком взрослый.

– Прорвется. У него нет выбора.

– Ты серьезно?

– Ты же сам видел, как он один и еле живой бился до по-

следнего.

– И?

– Сам знаешь: не каждый из нас на такое способен. Мы, тренированные и взрослые мужики, можем сдаться, потеряв надежду на спасение. Но ты видел его? Видел его смелость? Невероятно! А ведь это ребенок.

– Ну, делай как хочешь... Ты ведь понимаешь, что ему будет сложно освоить фазу? Какой бы он ни был храбрый, ему уготована безрадостная участь в Парфагоне. Да и кто его туда вообще пустит?

– У него есть шанс, Ричард.

– Он пришлый, селянин. Ты знаешь наши законы.

Нильс сплюнул и с досадой взглянул в сторону Томаса:

– Я все понимаю. Но мы должны дать ему шанс. Если у короля внезапно объявилась дочь, то почему же мне нельзя?

– Очередная странная история нашего королевства, конечно. Но у тебя несколько иная ситуация, – Ричард весело ударил друга кулаком по плечу. – Да и с Альбертом себя не сравнивай, дурень! Какое имя дали, кстати? Кто хоть ее мать?

– Назвали Элизабет. Говорят, разрешилась одна из его тайных фавориток, но сразу же умерла. Сама, наверное, дитя еще была. Ты же его знаешь...

– Хм, печально... Но у нее все равно титул принцессы?

– А как еще быть в его ситуации? Поэтому и будет добрее. Нашему храбрецу это на руку.

– Ну, брат, ты и авантюрист!

Набив живот недожаренной свининой и затем едва не надорвав его от смеха над пошлыми байками разморенных во-
як, Нильс дал команду идти на боковую. Проверив карауль-
ных, он осторожно прилег рядом с Томасом, прикрыв его от
холода могучей рукой, и мгновенно уснул.

Рыцарю показалось, что он едва сомкнул глаза, но в су-
мерках уже зашевелились бормочущие товарищи – пора вы-
двигаться домой. Пока его не потревожили, он попытался с
закрытыми глазами увидеть перед собой пересеченные коль-
ца Парфагона. Однако ничего не получилось, потому что
помешал скрежет металла поблизости. Тогда Нильс начал
вслушиваться в звуки вокруг, пытаясь расслышать, как его
зовут по имени, словно кто-то его действительно искал. Хотя
стало тише, своего имени он так и не услышал. Тогда он вер-
нулся к кольцам, пытаясь во что бы то ни стало их увидеть
прямо перед глазами, где-то на уровне лба. Когда он снова
потерпел поражение, пришлось обратиться к воображаемо-
му оклику по имени. Неожиданно тонкий женский голосок
с вожделием произнес «Нильс» и сразу пропал в тишине.
Это было хорошим знаком, поэтому воин оживился и сно-
ва представил кольца. Тут же взор ослепила яркая вспышка
света, и перед глазами сошлись два переливающихся синих
кольца, звонко заискрив друг от друга!

Магическое видение сияло столь реалистично, что, каза-
лось, его можно было потрогать. Но рыцарю было не до это-

го. Понимая, что его скоро разбудят, он резко вскочил и сразу оказался на вершине обрывистой горы. Черные тучи над головой оглушительно громыхали и извергали молнии, озаоряющие лысые скалы внизу. Прямо перед Нильсом светился изнутри огромный синий меч с волнистым долом и рубином в рукояти. Выдохнув, он схватился обеими руками за волшебное орудие, отчего убийственный порыв ветра едва не сбил с ног, а тело загудело. Сжав зубы от боли и рыча, воин не отпускал обжигающий металл, ощущая, как все тело трещит по швам, раздаваясь вширь и вверх. В один момент кольчуга и панцирь со звоном разлетелись в стороны, а их обладатель увеличился до таких габаритов, что меч стал казаться подходящим по размеру.

Вдруг зрение внезапно пропало, и Нильс почувствовал свое лежащее на боку тело и сильное покалывание от макушки до пяток. Тем не менее его пальцы все еще ощущали рукоять, через которую сочилась осязаемая сила и мощь.

– Что там опять отращиваешь? – послышался голос Ричарда, и Нильс ощутил удар по сапогу. – И так здоровый уже, как бык!

В это время Томасу снилась бесконечная череда кошмаров, в которых то раздавались крики родителей, то гнались остервеневшие мутанты, то плакала Ирэн. Голод и жажда все время настигали мальчика, отчего он то внезапно просыпался, то моментально засыпал, так и не понимая, что с ним происходит и где он находится. А еще от постоянных скач-

ков и покачиваний болела левая нога. В какой-то момент к страданиям добавились яркий солнечный свет, трели лесных птиц и стук копыт по мощеной дороге, что заставило малыша окончательно пробудиться.

С трудом открыв слипшиеся глаза, Томас обнаружил себя в седле впереди русоволосого рыцаря с крупным носом и усталым взглядом. Рядом так же спокойно цокали еще несколько коней с воинами. Они все вместе двигались через поле, приближаясь к огромным деревянным воротам в уходящей за горизонт каменной стене с узкими бойницами наверху. Эта стена была выше любых самых могучих деревьев, во многих местах она по всей высоте поросла мхом и кустами. За ней виднелись грозные башни и коричневые черепицы удивительно высоких и красивых зданий. Томас никогда не видел Парфагона, но сразу понял, что это именно он – тот самый город, где обитают невероятные люди – герои многочисленных легенд. Именно в его стенах стоит тот знаменитый замок, где живут король и новорожденная принцесса, которой его так назойливо поддразнивала сестренка.

– Привет, храбрец, – подмигнул ему рыцарь.

– Здравствуйте! – смутившись, ответил Томас.

– Меня зовут Нильс. А тебя?

– Томас. Меня зовут Томас Юрг.

– Эй, соня! – раздалось откуда-то сзади.

Оглянувшись назад, юный селянин увидел белокурого красавца с вытянутым ликом верхом на дымчатом жеребце.

Красавец широко улыбался, аккуратно держа в мясистой руке мирно спящего щенка.

– Не твой черныш? Тоже спит все время.

– Да, дяденька, это мой.

– Можно я себе возьму?

– Конечно, забирайте Пузанчика.

– Небось женушке подаришь, подкаблучник? – нарочито презрительно буркнул Нильс, хмуро разглядывая вытасканные из кармана солнечные часы размером в пол-ладони. – Как вообще таких в армию берут?

В этот момент гогочущие воины прошли деревянный мост над болотистым рвом с квакающими лягушками. Перед ними со скрипом растворились грузные Северные ворота, охраняемые с двух сторон стражами в латах.

– Да здравствует король!

– Да здравствует Парфагон! – дружно ответил измотанный отряд.

Навстречу Томасу подул теплый ветер с тысячей новых для него запахов и звуков. Прямо от исполинских ворот начиналась многолюдная бесконечная аллея, по краям которой зеленели пышные деревья и стояли аккуратные двух- и трехэтажные здания. Куда его взгляд ни падал, везде что-то происходило и кто-то суетился, а на лицах опрятно одетых людей сияли исключительно довольные и счастливые улыбки. Оказавшись в таком буйстве жизни, малыш вдруг вспомнил сестренку и родителей, которые никогда этого не увидят,

а также родное селение, которого больше не существовало, как и всей его прошлой жизни. Горечь и счастье смешались в еще незнакомое и непосильное для него чувство, застрявшее комом в горле.

Изо всех сил Томас пытался не заплакать перед своими могучими спасителями, особенно перед Нильсом. Но когда его приняла на руки и тепло обняла дивно пахнущая женщина с короткими рыжими волосами и немного заостренными ушками, он не выдержал. Его детские губки горестно искривились, и сверкающие слезы безудержным потоком полились из зажмуренных глаз, одна за другой капая на сиреневое платье веснушчатой красавицы.

– Добро пожаловать в Парфагон, бедный малыш, – лишь смог он слышать из ее уст.

Глава 2

Идеальный город сверхлюдей

Первый месяц Томас практически все время находился в доме Нильса Дора. Его двухэтажное жилище имело две спальни, кухню, а также просторную и светлую столовую. Во внутреннем дворе цвел фруктовый садик, и хотя он был огорожен каменным забором, сельский ребенок чувствовал себя весьма комфортно, находясь взаперти. Ему выделили уютную комнату на втором этаже, где изначально размещалась библиотека хозяина, в которой книги занимали два книжных шкафа. Туда поставили рассчитанную на вырост дубовую кровать, а у друзей насобирали целый ящик игрушек. Новая жизнь в столице, в добротном каменном доме, в пропитанной книжным запахом комнате казалась мальчишке чудесным сном, в который он долго не мог поверить, просыпаясь по утрам.

В доме также жила Маргарита – старшая сестра Нильса, рыжеволосая женщина с мальчишеской стрижкой и глазами, всегда казавшимися грустными из-за припущенных внешних уголков. Именно она взяла Томаса на руки, когда он впервые въехал в город. И хотя Маргарита выглядела значительно моложе своего брата, ее поведение ничем не отличалось от повадок зрелой женщины, какой она в действительности и являлась. Ее внуки были уже взрослыми, а муж, известный трибун, так давно отдал жизнь за короля, что его внешность уже стерлась из ее памяти. Лишь пару раз в год Маргарите ненароком вспоминался некий вымышлен-

ный образ супруга, в чем была повинна человеческая память, не рассчитанная на такую долгую жизнь.

Благодаря усердию Маргариты и жалованью Нильса в десять золотых монет в месяц их уютный дом блистал идеальной чистотой, а на столе каждый день было мясо. Нога Томаса быстро зажила. Теперь мальчуган был достаточно неплохо одет даже по меркам придирчивых горожан. Вместо простенькой туники селянина его наряд составляли светлые рубахи с разноцветными пуговицами, короткие коричневые штанишки с подтяжками, гольфы и кожаные башмаки.

Сам Нильс считался закоренелым холостяком, что было широко распространено среди рыцарей, и никогда не имел детей, во всяком случае, живущих с ним в одном доме. В некоторой степени свои отцовские чувства он перенес на Томаса, и потому ребенок оказался под гарантированной опекой. Увидеть рыцаря дома было большой радостью, поскольку тот почти все время занимался армейскими заботами и часто отлучался к вулкану, отражая бесконечные вторжения мутантов. Иногда к Нильсу приходил его давний друг Ричард Фейн, и они вместе с другими товарищами проводили шумные вечера в беседке в саду, куда смотрели окна новой комнаты селянина. Поутру из дома выходили, смущенно опуская глаза, милостивые девушки и женщины, но Томас их не запоминал, поскольку они каждый раз менялись.

Новая жизнь была настолько наполнена свежими эмоциями и благополучием, что вскоре из памяти чувствитель-

ного ребенка стерлись жуткие воспоминания из недалекого прошлого. Более того, Томас начинал активно набирать вес, ибо в доме Нильса всегда хранилось вдоволь пищи на любой вкус. Полноценные сон и еда были главной необходимостью для многих жителей столицы – впрочем, как и мутантов Арогдора.

Однако все было не так просто, как казалось юному селянину. В Парфагон было практически невозможно попасть людям со стороны. И хотя периодически делались исключения, появление чужаков в стенах столицы считалось риском для основ существования королевства. Одна из причин крылась в очевидной опасности внедрения агентов Арогдора, которые время от времени устраивали диверсии. Именно поэтому Томас целый месяц находился под надзором рыжей Маргариты и лишь через высокую каменную кладку забора слышал звуки города, который так хотелось изучить. Все это время Нильс и его друзья обивали пороги различных инстанций, дабы получить разрешение усыновить пришлого ребенка. Однако дотошных чиновников и вечно подозрительную службу безопасности сильно смущали два момента: во-первых, Томас считался слишком взрослым, чтобы адаптироваться к главным основам жизни города, а во-вторых, полностью отсутствовали сведения о его прошлом. Поскольку все жители его селения погибли, пустились в бега или были похищены мутантами, не имелось никакой гарантии, что он именно обычный селянин, а не агент-мутант. И хотя на

практике это была очень сложная и очень долгая мутация, теоретически в маленького мальчика мог превратиться почти любой арогдорец.

Только благодаря признанным заслугам храброго рыцаря и его настойчивости Томаса не только разрешили усыновить, но и признали полноценным гражданином столицы. Подпись на соответствующих документах была поставлена самим Питером Калицей – мудрейшим канцлером Парфагона, близким другом и советником Альберта Третьего. Причем такую подпись Калица мог поставить только с личного разрешения короля, которому, в свою очередь, тоже пришлось узнать о существовании некоего Томаса Юрга из округа Салепа.

– Велели передать, что твоя репутация теперь зависит от пацана, – сообщил Ричард, передавая Нильсу долгожданную бумагу у массивных дверей его дома. Оба приятеля были одеты в повседневные рыцарские костюмы. Одевание включало высокие сапоги, темные широкие штаны и, поверх светлой рубахи, зауженный у талии синий камзол с вздутыми плечами. А к тугому поясу неизменно крепились меч и кинжал. – Ну и любишь же ты проблемы!

Выдернув из рук гостя документ, Нильс стал жадно разглядывать столь дорогую и долгожданную подпись, переливавшуюся в свете солнца.

– Меня это не волнует.

– А что вообще тебя волнует, кроме баб и работы? – рассмеялся Ричард, заплетая свои роскошные белокурые воло-

сы в толстую косу. – Жениться не собираешься, кстати?

– Это звучит как предложение отрезать руку. Живешь себе, радуешься жизни... А тебе говорят, мол, больно хорошо поживаешь. Давай-ка мы тебе руку оттяпаем!

– Зато не скучно будет.

Нильс дочитал указ канцлера и, свернув его в трубочку, спрятал за пазуху, после чего вздохнул и расплылся в широкой улыбке:

– Теперь есть Томас. Не до скуки, как видишь.

– Ах, так это теперь только меня одного интересуют мушкетеры и юбки? Как жить в этом жестоком мире!

– Хм, пожалуешься любимой женочке?

– Какой еще женочке?

– Не той ли, с которой ты последние лет пятьдесят живешь?

– Клевета!

Оба друга рассмеялись. Действительно, Ричард был гулякой лишь на словах и в шутках. На самом же деле этот едва ли не самый привлекательный мужчина на Селеции, назло местным барышням, был однолюбом и примерным семьянином. Это считалось большой редкостью среди ветреных рыцарей, всегда живущих одним днем. И хотя на вид ему было далеко до старости, у него уже имелось несколько взрослых детей. Со своей ненаглядной Лилией воин проводил все свободное время и не чаял в ней души, вечно задабривая подарками и откровенно балуя излишним вниманием.

На фоне других рыцарей, в особенности пропадающего бабника Нильса, голубоглазому красавцу было немного неловко за себя. Потому-то шутки о блудных похождениях являлись обязательной темой для разговоров. Чтобы придать им весомости, Ричард иногда мог попортить какую-нибудь селянку с самой отдаленной окраины королевства, уродливую и глупую в сравнении с парфагонками. Однако Нильс знал, что это не приносило его другу никакого удовольствия, а лишь приводило к долгим угрызениям совести и чувству вины перед любимой женой.

Попрощавшись с приятелем и зайдя в дом, центурион взял убежавшего навстречу Томаса в свои ручки и крепко обнял. Затем он отнес его в любимую беседку в саду, круглые сетчатые стенки которой почти полностью заросли вьюном, создавая прохладную тень.

– У меня к тебе разговор, – осторожно начал рыцарь, присев на лавочку и посадив мальчугана себе на колени.

– О чем, дядя Нильс?

– С этого дня... В общем, я и моя сестра никогда полностью не заменим тебе мать и отца. Это невозможно. Но мне разрешили тебя оставить, и все будут считать тебя моим сыном. Ты не против?

– Нет, – ответил Томас, глаза которого наполнились слезами от жутких воспоминаний.

– Я сделаю все, чтобы ты добился самого лучшего в этой жизни. Я верю в тебя. Именно поэтому ты здесь. Понима-

ешь?

– Понимаю.

– Но у меня есть одна важная просьба, и мне хотелось бы донести ее до тебя. Слушаешь внимательно?

– Слушаю очень и очень внимательно!

– Я ничего не жду от тебя в ответ, когда ты вырастешь. Для меня счастье – просто тебе помочь, Томас. Ты можешь стать великим человеком. Но...

– Что, дядя Нильс?

– Каждый твой поступок, пока ты считаешься моим сыном, отражается на мне. Я заплатил своим именем за твою жизнь в Парфагоне. В общем, тебе будет крайне непросто здесь, но я верю, что ты не подведешь меня.

Неожиданно глаза рыцаря наполнились слезами, хотя он всегда считал, что не отличается чуткостью. Чтобы это скрыть, Нильс снова обнял Томаса, к которому успел всерьез привязаться за последние недели. В таком положении, с малышом в обнимку, ему пришлось молча и неподвижно просидеть еще с целую минуту, пока он не справился с нахлынувшими бурными эмоциями. В это же самое время его новоиспеченный сын испытывал схожие чувства и сам крепко сжимал массивную шею своего спасителя. Мальчик про себя думал, что обязательно станет таким же храбрым воином и никогда его не подведет.

Когда Томас получил статус гражданина Парфагона, ему пришлось распрощаться с беззаботной жизнью за каменной кладкой забора своего нового дома. Уже на следующий день Маргарита отвела его в наполненную детскими криками Школу, которая по размерам и устройству больше напоминала целый город. Там были внутренние парки, тенистые аллеи, спортивные площадки и множество красивых зданий, главное из которых венчала угловатая башня с черным флюгером в виде петуха. Все без исключения жители столицы с первых лет жизни и до шестнадцати лет посещали это пропитанное духом науки заведение.

Образование было построено таким образом, что к совершеннолетию человек овладевал всеми нужными навыками и знаниями, реально необходимыми для повседневной жизни и для любой выбранной профессии. Самое главное – подход к обучению увлекал детей, и они с превеликим удовольствием посещали уроки. Из них делали счастливых и раскрытых личностей, для которых жизнь была в удовольствие, а не в тягость. После Школы не существовало никаких других образовательных учреждений за отсутствием в них необходимости. Лишь будущие защитники Парфагона еще пять лет учились военному делу в элитной Рыцарской академии. Для зачисления в ее ряды требовалось в совершенстве освоить

мутации, что удавалось далеко не каждому молодому человеку, как бы старательно он ни учился.

Однако для Томаса Школа стала настоящим адом – ведь подданные короля за пределами столицы не имели образования как такового. Если бы ничего не изменилось, то ребенок должен был стать охотником, как отец, переняв его знания и опыт. А для Ирэн была уготована участь жены какого-нибудь ремесленника или такого же охотника из других селений. Они бы даже никогда не научились читать и писать! Таким образом знания у мальчика были весьма примитивными, как и у его родителей.

И вот Томаса привели в класс, где все дети были не только гораздо умнее, но и на пару лет младше него, то есть были ровесниками Ирэн. К несчастью для сельского мальчишки, педагогический совет во главе с ректором Исааком Ньюртоном решил, что зачислить его в младший класс будет оптимальным решением, ведь его ровесники уж слишком далеко ушли в своих познаниях.

Нетрудно догадаться, к чему это привело. Вскорости вся Школа насмеялась над Томасом Юргом – пришлым дурачком и деревенщиной. Для детей он был настолько прост и смешон, что никто не видел в нем равного. Его все время дразнили при каждом удобном случае, коих селянин предоставлял великое множество. Ровесникам и старшим ребятам было смешно видеть, как он учится с совсем маленькими детьми, а младшие веселились оттого, что «громила» не зна-

ет даже простейших вещей, вроде фазы или букв. В конечном итоге Томас оказался совершенно одинок, и ему пришлось уйти в себя, замкнуться. Он лишь старался не реагировать на издевательства, с досадой понимая, что они вполне заслуженные.

У него был только один выход из сложившейся ситуации: учиться. Причем не просто учиться, а учиться так, чтобы стать как все и даже лучше. Учиться так, чтобы ребята считали его равным себе, чтобы те вещи, о которых говорят эти окружающие его малыши, стали ему хотя бы понятны. Томас должен был сделать все, что мог, ведь он не имел права подвести приемного отца, давшего ему шанс в этом новом мире. Поэтому каждый день, проглотив все обиды, селянин молча уходил в Школу. Там он со стиснутыми зубами пытался все понять и усвоить, жадно поглощая каждую новую порцию знаний, и даже не поворачивал головы в сторону вездесущих обидчиков.

Трехлетних детей в Школе продолжали учить познанию мира, основам математики и языка, о чем Томас имел хоть какие-то представления. Мало того, он оказался большим знатоком в естествознании, поскольку рос рядом с дикой природой, которую познавал с помощью отца-охотника. Проводя значительную часть времени в лесу, он хорошо знал, что там растет и какие животные обитают. Однако это были далеко не самые главные знания, которые давали в Школе. Самым непонятным и неожиданным для Томаса

оказался предмет «фазоведение». Многие трехлетние дети в той или иной форме уже владели фазой, но наиболее серьезные этапы обучения только начинались. По этой причине, согласно мнению ректора, пришлому ребенку стоило начать учиться именно с этого уровня.

Если другие дети с молоком матери впитывали идею фазы, то Томасу было на самых фундаментальных уровнях сознания крайне тяжело понять, что это такое. Больше всего его удивляло, как эта огромная область знаний по неведомой причине совершенно отсутствовала в его жизни ранее. В его селении никто отродясь не упоминал о фазе, а здесь, в Парфагоне, она являлась основой жизни с тех самых пор, как ее открыли. Оказалось, даже рыцарем невозможно было стать без идеального владения этим удивительным навыком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.